
Защищающиеся. Оборонительные функции сообществ в городских конфликтах (на материалах г. Новосибирска)

И.А. СКАЛАБАН*, З.Н. СЕРГЕЕВА**, Ю.С. ЛОБАНОВ***

***Ирина Анатольевна Скалабан** – доктор социологических наук, доцент, кафедра социальной работы и социальной антропологии, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия, skalaban@corp.nstu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8308-1947>

****Зоя Николаевна Сергеева** – кандидат социологических наук, доцент, кафедра социологии и массовых коммуникаций, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия, z.sergeeva@corp.nstu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4296-2008>

*****Юрий Сергеевич Лобанов** – кандидат философских наук, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия, lobanov-y@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1982-5558>

Цитирование: Скалабан И.А., Сергеева З.Н., Лобанов Ю.С. (2022) Защищающиеся. Оборонительные функции сообществ в городских конфликтах (на материалах г. Новосибирска) // Мир России. Т. 31. № 4. С. 33–56. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-4-33-56

Аннотация

С ускорением развития крупных городов усиливается сопротивление жителей изменениям, воспринимаемым ими как угроза идентичности и качеству жизни. Оно осуществляется в широком диапазоне стратегий – от пассивных (закрывание территории и сообщества) до активных (конфликт). Неприятие изменений усиливает оборонительные функции действующих сообществ и стимулирует появление оборонительных (защищающихся) сообществ.

Статья посвящена поиску теоретических рамок изучения и исследованию их сущности, видов и маркеров как специфических субъектов городских конфликтов. Эмпирическим материалом для анализа послужили 101 кейс городских конфликтов в Новосибирске за последние 10 лет, 40 интервью участников и экспертов, контент-анализ медиаресурсов и тематических городских и локальных пабликов.

Под оборонительным сообществом в статье понимается активная группа жителей, которые объединяются для защиты локального социального, физического простран-

---

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Новосибирской области в рамках проекта № 20-41-540003.

Статья опубликована в рамках проекта НИУ ВШЭ по поддержке публикаций авторов российских образовательных и научных организаций «Университетское партнерство».

Статья поступила в редакцию в ноябре 2021 г.

ства или города в целом от изменений, не соответствующих представлениям его членов о желательном текущем состоянии или развитии. Их характерной чертой является превалирование негативных целей (ориентация на избегание нежелательных будущих состояний) над позитивными (достижение осознанно желательных будущих состояний). Основными триггерами городских конфликтов, способствующими актуализации оборонительных функций, становятся проекты в сфере деvelopeмента, городского хозяйства и благоустройства. Исследование показало, что вероятность возникновения оборонительных сообществ выше в социально и территориально изолированных пространствах с устойчивыми внутривпоколенными связями жителей, экономически благополучным населением, высоким образовательным уровнем и образом «прекрасного прошлого».

Будучи сообществами проекта, оборонительные сообщества строятся вокруг достижения конкретной цели, и прекращение их активности по завершении проекта представляется вполне естественным. Однако накопленный совместный опыт, сплоченность ядра сообщества, персональные характеристики лидеров открывают возможности для сохранения устойчивости, а наличие гибкой структуры, ядра и широкой группы поддержки позволяет реагировать новыми конфликтами на вновь возникающие угрозы либо включаться в процессы развития территории, становясь источником гражданской и социальной компетентности горожан.

Ключевые слова: город, конфликт, оборонительная функция сообществ, оборонительное сообщество, мобилизация в конфликт, изменения, городское сообщество, локальное сообщество

*«Никто не верит, что лучшее будет не хуже старого.
Потому что уж лучше пускай все как есть стоит,
потому что иначе не будет ничего»
(из беседы с информантом).*

Введение

Непостоянство и непрерывность трансформаций форм городского существования – аксиома современного города, которая во многом определила образ современного горожанина, ставшего инициатором, проводником, потребителем изменений. Но чем интенсивнее и масштабнее происходят изменения, тем чаще они застают горожанина врасплох, усиливая состояние неуверенности, неопределенности, тревожности, страха [Бауман 2008, с. 24–27], стимулируя не только его восприимчивость к переменам, но и защиту от них. Стремление отстоять право на свои территорию, город, нормы и правила переводит горожанина с позиции «зрителя» в позицию «участника», стимулирует к изобретению новых форм сопротивления и конфликтов.

Публично манифестируемые конфликты с городской повесткой – естественное проявление изменений, характерной особенностью которых стало активное участие городских и локальных сообществ. К их имманентно присущим свойствам следует отнести общность социальных практик, территориального и/или социаль-

ного пространства; чувства принадлежности в городе дополняются множественностью и разнообразием. Возникая, исчезая или поддерживая устойчивость, многочисленные сообщества города пересекаются, символически деля между собой участников. В стремлении отстоять свои интересы и защититься от угроз они вступают в конфронтацию между собой и с иными субъектами городских отношений.

Неслучайно современная конфликтная повестка становится все более городской. Это обусловлено стремительными изменениями структуры городских связей, их технологической составляющей, появлением большого числа горожан, готовых защищать свое право на город. В России они дополняются процессами вытеснения гражданской протестной повестки на локальный и городской уровни.

Все это способствует появлению городских конфликтов, сценарий которых все чаще строится вокруг сопротивления иницилируемым решениям и проектам, с целью защиты (обороны) и противодействия изменениям, и по завершении которых демобилизация сформировавшихся внутри них групп (сообществ) начинает ослабевать. Конфликтные сообщества могут сохранять ядра, связи и способность возвращаться к активному сопротивлению точечной застройки, проектам запрета мусорных полигонов или опасных предприятий, новой транспортной инфраструктуры (трасс, мостов и др.), в ситуациях угрозы паркам, лесам, памятникам культуры либо значимым для горожан объектам. Некоторые из них демонстрируют способность к защите традиционных ценностей, которые участники сопротивления рассматривают как свои или противостояния «другим» отличающимся по социальным, этническим или культурным признакам.

Цель статьи – изучить сущность, виды и маркеры таких сообществ как специфических субъектов городских конфликтов; понять, насколько накопленные социологические концепции защиты от навязанных изменений перспективны для анализа процессов самоорганизации горожан.

В поисках теоретической рамки исследования

Городские и локальные сообщества уже несколько десятилетий находятся в фокусе внимания российских исследователей. Качественным результатом этого стало множество используемых теоретических линз: это концепты гражданского общества, городских социальных движений, гражданского участия и коллективных действий, коллективной идентичности, сетей и низовой мобилизации. Особенно плодотворным видится последнее десятилетие, когда активнее стал использоваться социально-пространственный подход: концепты присвоения пространства П. Бурдьё, А. Лефевра; чувства места, органично дополненные теориями права на город А. Лефевра и Д. Харви; арен Б. Ферман; публичных арен С. Хилгартнера и Ч.Л. Боска; городских режимов К. Стоуна.

Накопленный эмпирический материал позволяет составить многомерную картину солидарной и конфронтационной активности сообществ. При этом такие действия, как «борьба против точной застройки», «запрет на вырубку», чаще всего описываются в дискурсе развития, где конфликт – это либо проявление гражданского участия в борьбе за влияние на принятие решений и контроль за действиями органов власти, либо проявление социального участия в развитии локальных/

городских пространств. Дискурс развития часто фокусирует исследователей на отношениях «горожане – органы власти». Даже конфликт между сообществами – это конфликт когнитивных представлений о развитии, а локальный протест – стремление к позитивным городским изменениям.

Однако не все городские конфликты демонстрируют стремление горожан к развитию и вертикальный сценарий развертывания: местные участники ориентированы на защиту «своего куса природы», а актуальная местная повестка даже в остром конфликте не гарантирует массовую вовлеченность «простого населения» [Клеман 2013b, с. 167]. В городских социальных движениях остро стоит проблема баланса между «близким» и «дальним» [Клеман 2013а, с. 506], городские сообщества «сталкиваются с непониманием друг друга» [Оводова, Жигунов 2018, с. 123], а протестные действия часто подразумевают солидарность «мы против чужаков» [Закирова 2008, с. 218].

Амбивалентности в оценках практик активности городских сообществ содействовал и рост в последние годы интереса к феномену городских конфликтов с разных дискурсивных позиций – социологии [Желнина, Тыканова 2021], политологии [Глухова и др. 2021], права [Медведев 2017]. Выделяются конфликтные сообщества с нехарактерным для риторики протеста состоянием актора: «не достигло первоначальной цели, но и не распалось» [Кольба А., Кольба Н. 2019, с. 171]; отмечаются сообщества, сопротивляющиеся инициированной сверху трансформации, балансирующие между эгоистическими и коллективистскими типами поведения, что может приводить к их «излишней гомогенизации, а зачастую и изоляции» [Тыканова, Хохлова 2014, с. 105–107].

Обозначим несколько проблемных вопросов: всегда ли выбор стратегии защиты происходит в пользу активных действий? что вносит в драматургию городского конфликта выбор сообществом оборонительной позиции? влияет ли она на характер процессов самоорганизации и мобилизации жителей в конфликт?

В этой связи нам видится, что эвристическим потенциалом для ответа на них обладают несколько дополняющих друг друга концепций, самые ранние из которых относятся к 1970–1980-м гг.

Концепция «голос – выход – лояльность». В действиях, осуществляемых в условиях ухудшения ситуации, А.О. Хиршман выделил три поведенческие альтернативы, которые по отношению к проблеме сообщества/изменения можно было бы определить следующим образом [Hirschman 1970]:

1. «Выход» – отказ от отношений или ограничение доступа через закрытие территории или сообщества. Эта поведенческая стратегия слабо применима, когда крупные ресурсные проекты развития угрожают сообществу неизбежным «открытием» для внешней среды.

2. «Голос» – конфронтационная стратегия – публичное заявление о своем несогласии с изменениями, которые влекут проекты; сегодня благодаря онлайн-технологиям не требует значительных коллективных усилий.

3. «Вход» (лояльность) – пассивное принятие группой навязанных сверху инициатив даже в том случае, если условия существования сообщества при этом ухудшаются.

Выбор двух первых поведенческих стратегий может зависеть от внешних обстоятельств – навязанных нормативных ограничений, а большая стоимость «выхода» и «входа» увеличивает вероятность «голоса».

Близкие идеи о дихотомии реакции сообществ на внешние угрозы в это же время разрабатывал и Геральд Саттлс. Анализируя отношения между соседскими сообществами в контексте расовой сегрегации в США, он предложил концепцию оборонительного соседства (*defended neighborhood*) и ввел понятие «оборонительное сообщество» (*defended community*) [Suttles 1972]. Суть концепции состоит в том, что при угрозе изменений извне, включая угрозу идентичности, жители будут защищать границы своего сообщества от нежелательного присутствия и влияния. При этом оборонительную позицию займут, скорее, сообщества социально и экономически стабильные, готовые защищать возможность поддержания желаемых условий не только через открытое сопротивление, но и через изоляцию: укрепление границ, социальное или физическое дистанцирование, усиление неформального общественного контроля [Lyons 2007, p. 825]. Так возникло понятие «оборонительный (защищенный) район» (*defense district*) – «жилая социальная система, которая отгораживается от других территорий и нерезидентов с помощью социальных или физических механизмов» [Schwirian 1983, p. 87] в попытке сохранить идентичность и образ жизни.

Еще одно объяснение логики «защиты от...» – концепция NIMBY (*not in my backyard*), которая исходит из осмысления практик сопротивления угрозам вторжения на территорию локального сообщества потенциально опасных объектов в 1970-х – начале 1980-х гг. [Borell, Westermarck 2018]. Здесь конфликт – противостояние навязанному проекту, воспринимаемому как угроза снижения качества жизни или цены недвижимости при общем одобрении жителями (что важно!) подобных проектов в других местах. Если традиционно позиция NIMBY считалась эгоистичной, тормозом развития, то в последние годы она пересматривается: NIMBY-сообщество обеспечивает стабильность и безопасность посредством поддержания желаемых условий и предотвращения нежелательных изменений [Kadowaki 2019]; оно является «распорядителем» ценных качеств места и защищает унаследованные ключевые активы своего сообщества, которые обязано передать будущим поколениям. Поэтому протесты, во многом мотивированные личными интересами, имеют и социальные выгоды (в частности накопленный социальный капитал), которые могут сохраняться долгое время¹.

Похожее состояние обозначил в теории городских режимов Кларенс Стоун, отметивший, что политическим режимам роста (коалиции местных групп интересов и власти) в городах могут противостоять альтернативные «прогрессивные режимы среднего класса» (городские движения, коалиции), которые ориентированы на защиту окружающей среды и могут выступать как «коалиции против роста». Как и Г. Саттлс, их субъектами и бенефициарами исследователи городского режима этого типа (Х. Молотч, Т. Дай и другие) считали образованных горожан, членов благополучных сообществ, которые опасаются, что выгоды роста будут перевешиваться издержками загрязнения окружающей среды или потерей общности. Однако они не видели в них больших перспектив к массовизации движений, считая эти альтернативные движения ресурсно слабыми [Ледяев 2006, с. 55–57].

Потенциалом для осмысления защиты как функции сообществ обладают и современные теории, например, теория просоциального неповиновения Дэвида Морзелли и Стефано Пассини [Morselli, Passini 2018]. По их мнению,

¹ Synovich C. (2020) Indefence of NIMBYism // The New Statesman, December 8, 2020 // <https://www.newstatesman.com/environment/2020/12/defence-nimbyism>, дата обращения 15.05.2022.

современные протестные движения можно классифицировать по шкале от просоциальных и инклюзивных (во имя всего общества) до антисоциальных эксклюзивных протестов (в пользу своей собственной группы), что определяется ценностями, предпочтениями и действиями в повседневной жизни протестующих. На материалах Европейского социального обследования они выделили шесть групп стран по совместимости паттернов конфликта с доминирующими ценностями: открытость переменам; ценность сохранения традиций, преодоления себя (универсализм и доброжелательность) и саморазвития. Россия вошла в пятую группу наряду с Кипром, Венгрией, Португалией, где наблюдается превышение числа эксклюзивных протестующих над инклюзивными. Ориентация на защиту своей группы здесь коррелирует с повышением риска бедности, низким уровнем доверия к политическим институтам, значимостью консервативных ценностей, власти.

Завершим обзор концептуально близкой теорией коллективной эффективности сообществ [Sampson 2012], которая определяется как связь доверия и сплоченности в сообществе со способностью его членов контролировать поведение отдельных групп или лиц, означающей стремление жителей к созданию безопасной среды и коллективным действиям в поддержку соседства. От коллективной эффективности зависит выбор прямых или непрямых стратегий защиты своего района: они могут быть конфликтными, пассивными (укрепление границ с целью создать «приличный район») или конвенциональными (участие в местных программах развития). Районы с более высокой эффективностью способны лучше организовать жителей на коллективные действия, а районы с более низким уровнем коллективной эффективности могут испытывать трудности с мобилизацией жителей или с получением ресурсов и использовать менее «гражданские», прямые (конфликты, насилие, запугивание, бдительность, граффити и вандализм [Grattet 2009]) или непрямые средства (ограничение доступа к недвижимости [DeSena 1994] через входной контроль в жилые здания (швейцары) или охрану территории [Suttles 1972]). Эти формы допускают отбор «правильных» людей и выборочное изгнание «неправильных» людей более «гражданскими» средствами.

Обзор концепций показывает, что стратегии защиты выделялись и исследовались применительно к территориально локализованным сообществам, но их логика представляется приемлемой и для оценки стратегий общегородских сообществ, организованных на основе общих интересов или идентичности. Оборона от изменений может принимать различные физические и социальные формы, не всегда узнаваемые, поскольку может выходить за рамки прямого конфликтного противостояния и приобретать изоляционистские формы. Открытым остается вопрос, насколько эти стратегии совместимы.

Теоретический и эмпирический объекты исследования

Термины «защита» и «оборона» в русском языке – это понятия, используемые как для определения институций (социальная защита, защита прав потребителей), так и обозначения характера активности (боевые действия или действия по обеспечению безопасности). Поскольку защита подразумевает гарантию безопасности,

действия и мероприятия по ее осуществлению, то она во многом делегирована государству как основному гаранту. Однако имеется субъект, который эту функцию выполнял всю социальную историю человечества, – это сообщества. В этом контексте сообщество – форма самоорганизации индивидов вокруг общей принадлежности или разделяемых интересов, способ защиты индивида от деструктивного воздействия окружающей среды, удовлетворения его потребностей в безопасности, идентичности, поддержании границ. В случае усиления угроз его члены могут выбирать альтернативные поведенческие стратегии: пассивное сопротивление – ужесточение границ и контроля внутри группы; активное сопротивление – конфронтация по отстаиванию символически или физически присвоенного пространства.

По мере увеличения социальных и техногенных рисков, роста социальной дистанции функция защиты в городах становится все более значимой для субъектов социальных отношений. Она обусловлена не только архаичной реакцией на рост неопределенности, но и современными обстоятельствами: изменением структуры сетевых коммуникаций, открывающих новые возможности конструирования городских сообществ и движений; постепенным освоением горожанами роли собственников, что приводит к переосмыслению ожиданий и требований не только к коммодификации жилья, но и к качеству территориальных и социальных пространств, устойчивости и безопасности развития.

Актуализация оборонительных функций сообществ – это реакция на реализуемый проект изменений, когда он принципиально не совпадает с воспринимаемым или задуманным горожанами пространством, когда сами изменения интерпретируются ими как угрозы. В случае восприятия угроз как критических внутри городской общности, отдельных сообществ может возникнуть более устойчивое образование: оборонительное сообщество – активная группа жителей, объединившаяся для защиты социального, физического пространства или города в целом от изменений, не соответствующих представлениям его членов о желательном текущем состоянии или развитии. Оно формируется как проблемно-ситуационное, ориентировано на ресурсы и интересы «материнского» сообщества, например жителей жилого комплекса, автолюбителей, представителей религиозного сообщества и прочих, либо целевой группы горожан, объединившихся вокруг значимой для них проблемы, например возникновения мусорных полигонов и строительства мусороперерабатывающих предприятий рядом с городом. Возникшее как реакция на вызов, оборонительное сообщество, формируясь, одновременно или укрепляет свои границы, и/или инициирует и продвигает конфликт.

Изложенные выше концепции позволили построить типологическую модель объекта исследования: защищающимися в конкретной ситуации могут стать уже функционирующие сообщества (первый тип) или сообщества, которые сформировались в ходе конфликта (второй тип). Их дифференциация в городской среде может быть дополнена типологией Питера Уиллмортта:

- сообщество места – принадлежность к территории, внутри которой связи могут строиться на основании соседства или «негеографических сетей» [Clark 2009, p. 1559];
- сообщество интересов – «внепространственное объединение» индивидуальных целей («экологи», «краеведы»);

– сообщество сопричастности (*communion*) – принадлежность к общности, духовное единение с ней («цыгане», «баптисты») [Willmott 1986, pp. 2–4].

Каждый из этих типов в своей сфере способен продуцировать практикующие сообщества или сообщества действий, чаще в варианте «проекта», к которым в полной мере можно отнести оборонительные сообщества (рисунок 1).

Рисунок 1. Типологическая модель сообществ с актуализированной функцией защиты

Эмпирический объект исследования – городские конфликты и конфликтные сообщества Новосибирска, Новосибирской агломерации последних десяти лет. Новосибирску, крупнейшему муниципальному образованию России, свойственны как типичные проблемы крупных городов мира (высокая миграционная мобильность, дефицит территорий, загрязнение, активные снос и застройка), так и проблемы, характерные для периферийных российских миллионников (недофинансирование, ограниченная самостоятельность местных органов власти в принятии решений). Новосибирск – город-миллионник с высокой конфликтной, протестной активностью и живым гражданским обществом. В отличие от многих крупных городов России, он не имеет четкой экономической специализации, поэтому в нем представлены конфликты, которые генерируются проектами разных экономических сфер. Все это позволяет рассматривать Новосибирск как модельный город в плане состояния и перспектив развития городских конфликтов, что подтверждают рейтинги и аналитика. В 2017 г. он занимал второе место по потенциальным протестным рискам среди нестоличных городов России после Санкт-Петербурга (Фонд «Петербургская политика»); в 2018 г. Новосибирская область вошла в топ-10 регионов с наибольшим числом самых крупных по численности протестных акций (Центр экономических и политических реформ). Новосибирску последних лет (2015–2020 гг.) свойственен конфронтационный городской режим с высокой степенью политической конкуренции и нефрагментированным бизнесом [Бедерсон, Шевцова 2021, с. 292].

Методы исследования

Эмпирической базой исследования являются данные, собранные и проанализированные в рамках методологии ситуационного анализа или кейс-метода, который позволяет получить более глубокую информацию о латентных процессах и обеспечивает гибкость исследования за счет разнообразия используемых методов. Среди них методы качественно-количественного контент-анализа медиа-текстов, которые использовались с применением:

- информационной автоматизированной системы мониторинга Scan-interfax.ru; выявлено 1568 публикаций, из которых отобран релевантно поставленной цели и реконструирован 101 кейс конфликта;
- сервиса статистики и аналитики контента сообществ социальных сетей Popster; выделено 72 городских и групповых публика сообществ новосибирской агломерации в социальных сетях, содержащих контент о конфликтах (октябрь 2020 г. – май 2021 г.).

В исследовании был использован метод полуструктурированного интервью лидеров конфликтных сообществ, экспертов, имеющих опыт работы с ситуациями конфликтов (40 интервью).

Оборонительные сообщества: логика самоорганизации

В силу разнообразия городских сообществ и среды стратегии формирования и функционирования оборонительных сообществ весьма многовариантны, что затрудняет выделение универсальных алгоритмов и сценариев. Сообщество может существовать ситуативно или длительно, меняться количественно (мобилизация в открытом конфликте, сокращение числа участников на этапе стагнации) и качественно. Его границы могут быть строгими (принадлежность) или слабо определены. Будучи по сути сообществами «проекта», они естественным образом строятся вокруг достижения конкретной цели и прекращения их активности по завершении проекта. Однако накопленный совместный опыт, сплоченность ядра сообщества, персональные характеристики лидеров могут открыть возможности для их дальнейшей устойчивости. Спусковой механизм для их формирования – триггер – событие: проект, событие или иной внезапно срабатывающий фактор, вызывающий резкую негативную реакцию со стороны группы горожан и приводящий к манифестируемому несогласию. Триггер запускает сопротивление, по мере развития ситуации он может дополняться другими триггерами или подменяться ими.

Анализ кейсов Новосибирска показал, что основными триггерами городских конфликтов стали проекты в сфере девелопмента, городского хозяйства и благоустройства. Соотношение между ними и второй по частоте группой триггеров – событиями символического характера (запреты фильмов, спектаклей, сопротивление строительству мечетей) – составляет примерно 6:1 (лидируют коммерческие проекты жилой застройки). Наблюдается относительно равное количественное соотношение между проектами: снос значимых для горожан объектов;

строительство крупных инфраструктурных проектов; разработка и реализация проектов благоустройства парковых зон и мусорных полигонов.

Исключая случаи накопленного раздражения и события ситуативно-кризисного характера (массовая драка на Хилокском рынке), первая реакция горожан на триггер не носит открытый конфронтационный характер. Активность начинается с обращений в органы власти («в администрацию, депутатам», «писать везде»), однако реакция в виде немотивированного или неубедительного отказа («наплеватьская») или отказ в коммуникации становится следующим триггером, способным в ряде случаев поменять основного субъекта конфликта (например в конфликтах обманутых дольщиков с девелопера на органы власти), а также усилить процессы мобилизации.

«Поймите правильно: нет не то что нормального диалога – отсутствует объективный, доказуемый и понятный диалог. <...> Нет, мы бы хотели по-другому. Должно быть так и так, потому что вот здесь написано по закону, на основании вот этого и с участием того-то того» (участник сопротивления точечной застройке).

В общей структуре оборонительного сообщества выделяется ядро («команда») и периферия («группа поддержки»). Ядро транслирует идеологию, организует сопротивление. Сохранение сильных связей ядра (или его части) и слабых (преимущественно информационных) связей с потенциальной группой поддержки и потенциальными участниками обеспечивает гибкость стратегий и устойчивость сообщества на постконфликтной стадии; открывает перспективы мобилизации в новый конфликт. Группа поддержки – это определяющий ресурс для ядра сообществ, и относится к нему ответственно. Лидеры сообществ готовы поддержать субъектов иных конфликтов консультацией личным участием в пикетировании, но обращение к «своей» группе и ее мобилизация осуществляется только в «своем» конфликте.

В данной ситуации высока роль лидеров, большинство которых принимают свои обязанности вынужденно, что не влияет на их дальнейшую устойчивость. Лидер одного из самых устойчивых сообществ, выполняющий эту функцию с 2000 г. по настоящее время, пояснила:

«Я пошла одна, я не собиралась никого собирать. Я пошла как бы узнать. <...> У меня не было такого, что я сейчас создам сообщество» (эколог).

Первоначально сообщество кристаллизуется из старых связей (личных, соседских, профессиональных, служебных) и дополняется двумя связанными стратегиями – информированием и вовлечением потенциально заинтересованных групп. Популярный и перспективный метод – сбор подписей под письмами в органы власти – позволяет одновременно делать и то, и другое. Функции членов команды дифференцированы слабо, и высока ценность личного и социального капитала. Поэтому наиболее устойчивые или эффективно действующие оборонительные

сообщества, как в свое время отмечали Г. Саттлс и К. Стоун, были зафиксированы в локациях с устойчивыми внутри- и межпоколенными связями жителей, социально и относительно экономически благополучным населением, часто с высоким образовательным уровнем (научные и инженерно-технические кадры) и образом «прекрасного прошлого»: это район бывших режимных предприятий, Академгородок, частный сектор бывшего совхоза на окраине города, жители которого работали на животноводческом комплексе. При этом эффективная мобилизация и действия в конфликте, обеспечивающие его резонансность и давление на оппонента, могут обеспечиваться как командами, так и отдельными лидерами.

Командная стратегия:

«Люди, которые знают, что такое организация, хотя бы лично, персонально могут сконцентрироваться на каких-то задачах и их решать, <...> по крайней мере, знают технологию, с чего и как начинать и так далее. Знают, что народу очень много, туда сошлись журналисты, блогеры и врачи, есть и конкретно специалисты-геологи, которые могут что-то сказать» (участник конфликта точечной застройки).

Альтернативная индивидуальная стратегия:

«Ну, я не привлекала никак людей. Я, вообще, как бы не занималась, как сказать-то, формированием такого общественного движения, что ли, чтобы это переросло в какое-то такое протестное движение. <...> Я больше занималась такими созидательными, гуманитарными вещами, призывала больше к совести, порядочности, профессионализму, и поэтому для меня было странно, я так разочарована в людях» (лидер защиты зеленой территории от застройки).

Высокая актуальность повестки на уровне города может посадить «на разные концы одного стола» гражданских и политических оппонентов. В одном из самых масштабных и резонансных конфликтов 2017 г. против повышения тарифов ЖКХ организаторами выступали «люди разных самых политических или там даже общественных значений – это такие; я до сих пор не очень понимаю, почему подключился туда» (участник команды).

Характерной чертой оборонительных сообществ является превалирование негативных целей (ориентация на избегание нежелательных будущих состояний) над позитивными целями (достижение осознанно желательных будущих состояний) (типологию см.: [Митчелл 2002, с. 108]). К типичным негативным целям в изученных кейсах можно отнести требования запрета «уплотнительного» строительства высотного жилого дома (2020 г.); обустройство мусорного полигона (5 локаций: 2017–2021 гг.); разработки песчаного карьера рядом с жилыми домами (2019–2021 гг.); строительства дороги рядом с жилым комплексом (2 локации: 2020–2021 гг.); строительства мечети, медресе (2 локации: 2012–2014 гг.); общежития для мигрантов (2013 г.); показа фильмов, спектаклей, проведение выставок (5 локаций: 2012–2021 гг.) и т. д.

Однако негативные цели в процессе конфликта могут совмещаться или переформулироваться на позитивные: например, негативная цель (не допустить строительства нового комплекса торговых ларьков в окраинном микрорайоне) манифестируется одновременно с позитивной целью (добиться строительства на этом месте сквера) (кейс: ноябрь 2021 г.). Возможна и обратная ситуация: позитивная цель (строительство сквера на месте ликвидированного местного рынка после инициированной мэрией продажи половины земли под торгово-развлекательный центр в поисках источников финансирования благоустройства сквера) была переформулирована сопротивляющимися в негативную (не допустить строительства центра) (кейс: февраль 2020 г.).

Доминирование негативной цели при инициировании и эскалации конфликта естественно, поскольку является реакцией на триггер. Отрицание в ситуации, когда действовать необходимо немедленно, ясно и конкретно, имеет больший потенциал для мобилизации. Однако в случае, если в ходе конфликта сторонам удается найти общий язык или сообщество под влиянием лидеров или внешних субъектов увидело перспективы нормализации ситуации в приемлемой для себя форме, негативная цель может заместиться позитивной, и сообщество выйдет из конфликта более ориентированным на сотрудничество.

КЕЙС «Защитим Богданку» (2016–2017 гг.).

Активные жители улиц вокруг проспекта Богдана Хмельницкого, не согласные с намерением застройщика снести два символически значимых объекта (клуб «Отдых» и Дом спорта) и построить на их месте высотный жилой комплекс, создали общественное движение «Защитим Богданку». Они организовывали пикеты, митинги, обращения к президенту и сборы подписей для придания территории статуса достопримечательного места. Под давлением жителей и при частичной поддержке органов муниципальной власти проект был изменен. В новом варианте застройщик уменьшил этажность зданий, появилось большее стилевое единство с архитектурой района. В дальнейшем команда не распалась и сохранила с жителями офлайн- и онлайн-взаимодействие. Ее участники организовывали субботники, добивались ремонта памятников архитектуры, способствовали введению пилотного для Новосибирска проекта дизайн-кода и приданию фрагменту проспекта статуса объекта культурного наследия. Активность команды и движения сохраняется до настоящего времени.

Градостроительные конфликты мобилизуют широкий круг сообществ интересов разной степени формализации: экологов, автовладельцев, владельцев кафе и ресторанов. Наряду с неформальными сообществами возможно формирование оборонительного сообщества из конгломерата формализованных структур. Большинство символических конфликтов инициируются общественными объединениями (гражданские националисты, религиозные активисты) или их межорганизационными структурами (Новосибирский Координационный совет в защиту общественной нравственности, культуры и традиционных семейных ценностей) с опытом действия на уровне города, агломерации. Реже конфликт инициируют или к нему присоединяются формализованные сообщества с ситуативно актуализированными оборонительными функциями: например, Новосибирское отде-

ление Союза архитекторов боролось против строительства на центральной площади многоэтажного гостиничного комплекса в 2012 и 2020 гг.; неформальное сообщество архитекторов, краеведов отстаивало сохранение дома рок-музыканта Янки Дягилевой в 2017 г.

Анализ кейсов подтвердил значимость факторов, отмеченных Г. Саттлсом: оборонительная позиция более вероятна в районах, которые изолированы естественными или социальными границами и резко контрастируют с окружающими по экономическим или демографическим параметрам [Suttles 1972]; испытывают общие угрозы со стороны проектов девелоперов, риелторов, политиков и представителей промышленности [Suttles 1972]; защищают свой район для поддержания желаемых условий и устойчивого разнообразия в своем сообществе, для сохранения стабильности соседства [Kadowaki 2019].

Некоторые из выделенных сообществ, в частности, сообщества Академгородка по декларируемым целям и активности, сосредоточенности на интересах конкретной территории, максимально приближены к современной модели NIMBY. Однако от классических американских и европейских вариантов их отличают структура и все более выраженный в последние годы интерес к тому, что происходит за границами их территории. Нарбатывая опыт, ядро сообщества экологов Академгородка оказывает консультативную, экспертную, субъектную поддержку другим сообществам, защищающим «там в городе» природные и градостроительные объекты.

Сохранение противоречий может спровоцировать возникновение не одного, а нескольких (полиядерное сообщество) ядер оборонительного сообщества. Это происходит в ситуациях деления конфликтующих по ценностям и допустимым стратегиям – по степени готовности к сотрудничеству с органами власти и вовлеченности разных групп в одну конфликтную повестку. К полиядерному сетевому сообществу или конгломерату сообществ, сформированных по целевому (объект защиты) признаку, можно отнести сообщества Академгородка (не менее 7 структур в офлайн- и онлайн-пространстве), каждое из которых является центром самоорганизации. Здесь зафиксированы перекрестное членство и координация активности в отношении проблем, рассматриваемых сообществами как актуальные.

КЕЙС «Академгородок» (2000 г. – настоящее время).

Самое сильное и длительно функционирующее полиядерное сообщество – сообщество Академгородка. Это место проживания ученых Сибирского отделения Российской академии наук (3–4 поколения), концентрации престижных школ города и самых высоких цен на жилье. Оно сформировалось не позже начала 2000-х гг. Первая акция сообщества – сопротивление строительству жилого комплекса в лесном массиве внутри Академгородка (2000 г.). Значимые акции: борьба против строительства в лесных массивах Технопарка (2005–2006 гг.) и нового корпуса НГУ (2006–2010 гг.), против проекта реконструкции ДК «Академия» (2020 г.), против проекта транспортно-пересадочного узла «Университет» (2021 г.). В его состав входят Ландшафтный совет Академгородка; общественное движение «В защиту лесов!»; инициативная группа «Защитим город-лес Академгородок!»; экологи-активисты (включая экорадикалов) и разделяющие их позицию жители; сообщество Интегрального музея-квартиры Академгородка; молодые урбанисты, уже менее вовлеченные в конфликтную повестку.

ку, чем другие. Все сообщества обладают высоким мобилизационным потенциалом и способностью к кооперации в ситуации угрозы разделяемым ценностям и действиям друг против друга, когда видения настоящего и будущего Академгородка не совпадают (например конфликты оспаривания права художников на граффити-проекты во дворах жителей в 2017 и 2021 гг.).

Две ведущих сферы протекания конфликтов – защита местных лесов и защита исторического облика и уклада жизни Академгородка. Наличие мобилизованного сообщества влияет на стратегии развития территории органами власти, вынуждает учитывать их присутствие, чаще использовать технологии вовлечения граждан в обсуждение проектов. Тенденция последних лет – выход активности сообществ за пределы традиционной зоны интересов в соседние сообщества и «в город». Формы деятельности – экспертная поддержка экологами (консультирование, субъектная поддержка) ряда оборонительных сообществ города.

Анализ исследуемого материала позволил дифференцировать сообщества на два условных вида – «старые» и «новые». Наряду с локальными оборонительными сообществами Академгородка (второй тип), к «старым» можно отнести городское сетевое сообщество новосибирских краеведов, которое, скорее, является действующим сообществом, способным к актуализации оборонительных функций (первый тип). Будучи по своей позиции экспертным, в случаях угрозы для значимых исторических или культурных объектов члены сообщества демонстрируют готовность и способность к их защите.

КЕЙС «Краеведы и архитекторы».

Это сообщество историков, музейных работников, гидов, специалистов по культурному наследию. Сообщество сформировалось вне конфликтной повестки, его члены знают друг друга по научно-практическим семинарам, экскурсиям, обсуждениям вопросов истории города. Сообщество активно участвовало в нескольких громких конфликтах последних лет: защите от сноса дома Янки Дягилевой, защите от сноса памятника конструктивизма кинотеатра «Металлист», присвоении охранного статуса новосибирскому Академгородку и ул. Богдана Хмельницкого. Удалось добиться своих целей и в противостоянии с крупными застройщиками и региональными органами власти. Однако спрогнозировать реакцию сообщества сложно: так, в 2011 г. сообщество не выступило в защиту значимых объектов, например памятника «Дом Купца Сурикова» и некоторых других. Основной мобилизационный ресурс – профессиональное сообщество муниципального Музея Новосибирска, Краеведческого музея, Новосибирской архитектурной академии, педагогического университета, а также вовлеченные в культурные практики горожане.

К сообществу «краеведов» примыкает сообщество «архитекторов», которое в основном состоит из практикующих архитекторов или преподавателей архитектуры. Они в большей степени заинтересованы в сохранении и поддержании архитектурного облика города.

Некоторые члены «архитекторов» и «краеведов» относят себя к обоим сообществам, что и позволило дать такое название сообществу². Характерная особен-

---

² Сообщество «архитекторов» существует и изучается отдельно.

ность обоих сообществ – неформальная структура связей и готовность к действиям в широком диапазоне – от научной экспертизы до блокирования техники (защита кинотеатра «Металлист» от сноса в 2018 г.) в ситуации угрозы для объекта защиты³.

В отличие от «старых» сообществ, опирающихся в большей степени на массовую мобилизацию, в последние пять-шесть лет в многообразии городских конфликтных практик появляются новые лидеры и актив оборонительных сообществ. Они ориентированы не только на сопротивление, но и продвижение своих версий инфраструктурных проектов, ставших объектами сопротивления. Им свойственны гибкость в сочетании негативных и позитивных целей, правовая и проектная компетентность, способность к диалогу и взаимодействию с органами власти, умение работать с медиаресурсами. Лоббируя интересы сообществ в ситуации конфликтов, их лидеры чаще сотрудничают с депутатами и даже оказывают им поддержку на выборах. *«Активные сообщества рождают своего депутата»* (участник многих городских конфликтов). При этом меняется тактика, и вышедший на пикет участник сообщества ждет не столько реакции прохожих, сколько журналистов и блогеров. *«Выходил раньше каждую субботу, как бы вошло в традицию у блогеров, у журналистов: они все знают, что в субботу»* (участник конфликта из-за точечной застройки).

В последние годы готовность к взаимодействию с сообществами демонстрируют и органы местной власти, неоднократно испытывавшие на себе силу мобилизации горожан в локальные конфликты, потенциал которой у новых сообществ не меньше. Вместе с тем наблюдаются риски «профессионализации» активности лидеров и активистов сообществ, ориентации на обслуживание интересов финансово-промышленных групп.

Оборонительные стратегии городских сообществ

Оборонительные стратегии сообществ определяют формы их защиты. Наиболее значимое различие наблюдается между стратегиями изоляционистского и конфронтационного характера. Хотя обе стратегии выглядят как взаимоисключающие, в кризисной ситуации проявляется их совмещение в силу ужесточения границ сообщества и актуализации деления на «свой – чужой».

Изоляционистские стратегии изучены меньше, чем конфликтные, поскольку не манифестируются, а потому сложнее выделяются. Ключевой стратегией выступает защита границ своих сообществ от неконтролируемого проникновения или нежелательного влияния. Не все закрытые сообщества – оборонительные: так, ограничение свободного доступа в жилые комплексы автоматически не делает их жильцов оборонительным сообществом, и функция защиты здесь потенци-

---

³ Пространственное распределение конфликтов сообществ можно увидеть в Геоинформационной базе данных конфликтов новосибирской агломерации (<http://conflictsnsk.ru>), которая разработана и ведется авторами статьи. На момент завершения работы над статьей в нее внесено 119 конфликтов; ввод данных продолжается.

альна. Оборонительная стратегия актуализируется, когда «противник» вообразим⁴ и упрощенно понятен: например, при согласии сообщества формируется состав жильцов жилого комплекса по сегрегационным основаниям («только для лиц славянской национальности»).

Обратные конфликтным ситуации могут наблюдаться в изолированных городских районах, пострадавших от развала производственной системы и оттока социально и экономически активного населения. Маргинализация сообщества и переживаемая травма некогда успешных поселений формируют негативные практики, «закрывая» сообщество в общественном сознании (избегание) и оказывая депрессивное воздействие на соседние территории. Режим защиты от «других» достигается здесь и в соседних с ними сообществах за счет плохой репутации места, присутствия асоциальных молодежных группировок, через насилие, запугивание, граффити и вандализм внутри территории и на ее границах [Grattet 2009; Lyons 2008].

Конфронтационные стратегии проявляются через заявления в СМИ, прокуратуру, посредством петиций, санкционированных и несанкционированных митингов, общественных слушаний, обсуждений, воспрепятствования работе техники, прогулок по микрорайону с обсуждениями ситуации, автопробегов и т. д. Показателем пример М.Е. Широковских, лидера защитников Нарынского сквера, которая в период 2013–2014 гг., по словам сторонников, лично участвовала в 450 судебных заседаниях, касающихся прекращения строительства гостиницы на территории сквера.

Накопленный эмпирический материал позволил выделить 27 видов конфронтационных практик, характерной особенностью которых стала публичность. Манифестация проблемы в публичном пространстве дает сообществу не только голос. Презентация себя широкой публике, внимание к конфликту медиа, горожан и вертикали власти накладывают определенные ограничения на использование в отношении сообщества и его ядра силового сценария и позволяют отчасти обезопасить участников конфликта более низкого ранга от произвола и обмана.

Социальные медиа как ресурс оборонительных сообществ

Непременным условием существования оборонительного сообщества стало обращение к социальным медиа, которые в настоящее время играют важную роль в информировании, мобилизации и поддержании структуры сетевой группы. С целью понимания стратегий действий и влияния социальных сетей на вовлечение новых участников был проведен контент-анализ пабликов социальных сетей «ВКонтакте» (ВК) и Facebook (FB)⁵. Единица анализа – коэффициент вовлеченности (ER) – среднее число реакций на контент одного среднестатистического подписчика; расчи-

⁴ Вообразимость является неременным условием формирования образа. Как «атрибут опознаваемости в структуре мысленного образа, <...> когда объекты <...> навязывают себя чувствам обостренно и интенсивно», он использовался К. Линчем как важное качество места, необходимое условие его идентификации [Линч 1982, с. 21–22]. Однако вообразимость также является условием поддержания субъектности оппонента в конфликте, позволяет запустить механизм его идентификации как угрозы группе и даже «врага» в условиях конкуренции за территорию или контроль над ней.

⁵ На момент подписания номера в печать компания *Meta* признана экстремистской, *Facebook* запрещен на территории Российской Федерации.

тывается по формуле $ER = (\text{лайки} + \text{комментарии}) / \text{охват поста} \times 100\%$. Таблица 1 показывает, насколько активно аудитория взаимодействует с контентом аккаунта.

Паблики (объекты анализа) были поделены на две группы: открытые городские, комьюнити-паблики, ориентированные на горожан (внешняя вовлеченность – ER1) и паблики групп, вовлеченных в конфликт и ориентированные на внутреннюю коммуникацию аудитории паблика (внутренняя вовлеченность – ER2). Присутствие информации о конфликте в первом и/или втором типе пабликов показывает не только его резонансность, но и то, каких стратегий информирования и вовлечения в конфликт придерживается ядро сообщества, насколько оно ориентировано на горожан как ресурс.

Из всего объема кейсов в случайном порядке отобраны и проанализированы 66. Эмпирически выделенные интервалы уровня вовлеченности в социальных сетях (медианные показатели) составили: 0–2 – низкий, 2–15 – средний, 16 и выше – высокий.

Таблица 1. Уровни вовлеченности пользователей в обсуждение конфликтной повестки в сетях «ВКонтакте» и Facebook

Всего конфликтов: 4		Всего конфликтов: 18		Всего конфликтов: 19		
Своя группа в ВК	ER1	Городские/комьюнити паблики ВК и FB	ER2	Своя группа ВК, FB, городские/комьюнити паблики	ER1	ER2
Малые города (2) ⁶ «Краснообск-206», недавно сформировавшийся (1) «Военный городок»	3,9	Объекты культуры (5) МЖК «Киргизский культурный центр», кинотеатр «Металлист»	30	Точечная застройка (6) «Красноярская-132» Объекты культуры (4) Дом Янки Дягилевой	34	43,74
	2,3		0,16		0,12	43
Спальники (1) МЖК «Восточный»	45	Экология (8) «Юный медик», Автомойки езидов на Жуковского	1,9 28	Парки, природные объекты (4) Кучино	1,46	23

Анализ показал, что, несмотря на тотальное присутствие сетей в жизни горожан, из исследуемой совокупности 25 конфликтов остались только в публикациях и сюжетах СМИ, так и не став предметом обсуждения в социальных сетях. Это ряд локальных этномаркированных и градостроительных конфликтов, часть которых происходила в малых и средних городах агломерации, что свидетельствует об избирательности горожан в их внимании к локальной конфликтной повестке.

41 конфликт проявил себя в социальных медиа с высоким разбросом по уровню вовлеченности; примеры крайних показателей представлены в таблице 1. Выделились три основных стратегии вовлеченности горожан в конфликты: вовлеченность только в паблике группы в сети ВК⁷; вовлеченность в конфликт в городских/

⁶ В скобках указано число конфликтов этого вида, которые используют данную стратегию вовлеченности.

⁷ Среди исследуемых конфликтов авторам не удалось выделить ожидаемую четвертую группу: паблик группы расположен только в Facebook. Все изученные конфликтующие группы имели паблики либо в сети «ВКонтакте», либо в двух сетях сразу – «ВКонтакте» и Facebook.

комьюнити пабликах сетей ВК и FB; вовлеченность в паблики групп и в городские/комьюнити паблики сетей ВК и FB. FB как самостоятельный инструмент вовлечения, в отличие от ВК, в выделенном массиве не встретился.

Последняя стратегия, сочетающая внешнюю и внутреннюю вовлеченность, оказалась самой эффективной, что продемонстрировал конфликт точечной застройки «Красноярская-132». В рядовом по городским меркам конфликте участникам удалось привлечь внимание как местных жителей, так и горожан. Для этого был необходим инфоповод, пересекающийся с тематикой городских групп и находящий отклик у подписчиков. Однако такая ресурсозатратная стратегия может не соответствовать целям и границам конфликта, и устоявшимся практикам: например, оборонительные сообщества Академгородка не создают собственные паблики, а пользуются локальными, местными группами, поскольку там находится их целевая аудитория.

В поисках оборонительных сообществ: маркеры присутствия

У оборонительных сообществ не может быть четких лекал, однако интервью с участниками сообществ позволяет выделить некоторые маркеры:

- оборонительное сообщество идентифицируемо социальным окружением через устоявшиеся названия («экологи», «защитники академгородковского леса», «защитники Издревой», «краеведы», «инициативная группа Ельцовка-1» и пр.);
- доминирование идеологии, а часто и риторики защиты/сопротивления, которая направлена преимущественно на мобилизуемые в конфликт группы через лозунги, аргументацию, обосновывающую угрозы, связанные с триггером (событием или проектом);
- координируемость и структурированность группы, объединенной под текущую «короткую» задачу, а не «длинные» отношения; ролевое распределение с размытым функционалом для взаимозаменяемости; лидерство скорее подразумевается, чем декларируется; могут сохраняться разные взгляды на цели и тактику сопротивления; вне контекста решения задачи ценность отношений ниже;
- ядро сообщества, сохраняя субъектность, часто не контролирует всю активность в конфликте, особенно если он приобретает резонансный и эмоциональный характер; в него включаются и другие группы, что создает эффект полиядерного сообщества;
- амплитудная динамика жизненного цикла – от активности к пассивности и наоборот; критерий сохранения сообщества – активность ядра на конфликтном и постконфликтном этапах; в случае новой угрозы – возможность объединения с бывшими сторонниками, даже если между ними имеются разногласия в понимании средств, стратегии или тактики.

Анализ стратегий действий ядер длительно функционирующих оборонительных сообществ (более полутора-двух лет) и переживших несколько волн ослабления активности и мобилизации показывает общие тенденции – от критики конкретного проекта до готовности брать ответственность за территорию

или пространство связей, часто вместе с приватизацией «голоса» сообщества. Это осуществляется через инициирование альтернативных проектов развития, символические действия (акции по очистке, уборке, изучению состояния), борьбу за депутатский мандат или включение в иные механизмы общественного и муниципального управления, позволяющие влиять на ситуацию.

Заключение

Таким образом, под воздействием внешних и внутренних условий защита от изменений может консервировать имеющиеся состояния, но может и менять их. Будучи кризисными по своей природе, оборонительные сообщества апеллируют к гражданским и социальным нормам и ценностям, становятся важным компонентом сплоченности горожан и чаще всего выделяются из уже функционирующих городских сообществ. Конфликт может запустить механизмы актуализации локальной идентичности и формирования локального сообщества вокруг оборонительного, но не гарантирует, что оно появится.

Смыслы, заложенные в действия, структура и практики активности столь многообразны, что потенциалом для анализа оборонительных сообществ обладают в той или иной степени все выше перечисленные концепции: NIMBY, концепции «инклюзивных», «альтернативных» движений, «коалиций против роста».

Архитекторами оборонительных сообществ выступают как их участники, так и их оппоненты. Перспективы их формирования определяются сложившейся сетевой структурой в уже действующих городских сообществах, спецификой коллективной идентичности, содержанием проектов изменений и стратегией их продвижения в городской среде. Активность самоорганизующихся групп жителей – субъектов конфликта, готовых к защите от изменений, может выходить за рамки одного конфликта, продуцировать разнообразие форм и стратегий защиты. В ситуации, если сообщество обрело признаки устойчивости, но его ресурсный потенциал остался не востребован, сообщество становится мобилизационным ресурсом и движущей силой новых конфликтов с риском усвоения оборонительной идеологии и ужесточения границ с внешней средой. Это повышает риски непринятия городским или локальным сообществом, связанным с оборонительным, новых проектов изменений.

Основной ресурс для появления оборонительных сообществ – горожане, которых принято называть средним классом, длительно живущие в относительно изолированных и/или культурно идентифицируемых пространствах и имеющие традиции самоорганизации. В случае если угроза безопасности или качеству жизни жителями идентифицируется как высокая, оборонительную позицию могут занять и другие группы горожан. Диапазон действий может варьироваться от закрытия территорий до открытого противостояния, от закрепления конфронтационных установок и групп до появления новых практик гражданского партнерства и активизма в социально или территориально близком пространстве, становясь важным источником гражданской и социальной компетентности горожан.

Исследование позволило выделить специфические сферы городской жизнедеятельности, в которых генерируется наибольшее количество «оборонительных

конфликтов». В Новосибирске такими оказались строительство жилья, экология и культурно-символическая деятельность. При этом существуют аномалии городской топологии конфликтов, которые могут указывать на связь ценности объекта защиты, активности горожан и цен на недвижимость. Характер этих взаимосвязей требует дальнейшего исследования, однако уже само понимание набора таких сфер может быть ценным для выработки стратегий предупреждения конфликтов и формирования практик устойчивого городского развития.

Список источников

- Бауман З. (2008) Город страхов, город надежд // Логос. № 3 (66). С. 24–53 // http://intelros.ru/pdf/logos_03_2008/02.pdf, дата обращения 15.05.2022.
- Бедерсон В., Шевцова И. (2021) Застройщики, партия власти и немного конкуренции в российских миллионниках: типология городских режимов в 2010-е гг. // Журнал исследований социальной политики. Т. 19. № 2. С. 285–300. DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-2-285-300
- Глухова А.В., Кольба А.И., Соколов А.В. (2021) Стратегии взаимодействия территориальных сообществ в ходе городских конфликтов (на материалах экспертного опроса в крупных региональных центрах РФ) // Журнал исследований социальной политики. Т. 19. № 2. С. 239–252. DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-2-239-252
- Желнина А.А., Тыканова Е.В. (2021) «Игроки» на «аренах»: анализ взаимодействий в городских локальных конфликтах (случай Санкт-Петербурга и Москвы) // Журнал исследований социальной политики. Т. 19. № 2. С. 205–222. DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-2-205-222
- Закирова М.М. (2008) «Вот здесь видно все!»: самопрезентация городского общественного движения // Журнал исследований социальной политики. Т. 6. № 2. С. 217–240 // <https://jsps.hse.ru/article/view/3632/3214>, дата обращения 15.05.2022.
- Клеман К. (2013а) Заключение // Клеман К. (ред.) Городские движения России в 2009–2012 годах: на пути к политическому. М.: НЛО. С. 502–540.
- Клеман К. (2013b) Химкинское движение. За лесом – гражданское общество // Клеман К. (ред.) Городские движения России в 2009–2012 годах: на пути к политическому. М.: НЛО. С. 146–199.
- Кольба А.И., Кольба Н.В. (2019) Городские конфликты как фактор гражданско-политической активизации локальных сообществ // Политическая наука. № 2. С. 160–179. DOI: 10.31249/poln/2019.02.08
- Ледяев В.Г. (2006) Социология власти: теория городских политических режимов // Социологический журнал. № 3/4. С. 46–68 // <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/socjour/article/view/917/871>, дата обращения 15.05.2022.
- Лефевр А. (2008) Другие Парижи // Логос. № 3. С. 141–147 // http://intelros.ru/pdf/logos_03_2008/08.pdf, дата обращения 15.05.2022.
- Линч К. (1982) Образ города. М.: Стройиздат.
- Медведев И.Р. (2017) Разрешение городских конфликтов. М.: Инфотропик Медиа.
- Митчелл К.Р. (2002) Структура конфликта // Конфликты: теория и практика разрешения. Опыт зарубежных исследований. Т. 1. Алматы: Центр конфликтологии Института социологии РАН. С. 101–165.
- Оводова С.Н., Жигунов А.Ю. (2018) Война сообществ: репрезентация конфликта в урбанистическом дискурсе // Коммуникативные исследования. № 4 (18). С. 112–127. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.4.112-127
- Сояя (Соджа) Э.У. (2003) Постметрополис. Критические исследования городов и регионов // Логос. № 6 (40). С. 133–150 // <https://ruthenia.ru/logos/number/40/09.pdf>, дата обращения 15.05.2022.

- Тыканова Е., Хохлова А. (2014) Траектории самоорганизации локальных сообществ в ситуациях оспаривания городского пространства // Социология власти. № 2. С. 104–122 // [https://socofpower.ranepa.ru/files/docs/2\(2014\)/Tykanova,%20Khohlova_Lokalnie%20soobschestva.pdf](https://socofpower.ranepa.ru/files/docs/2(2014)/Tykanova,%20Khohlova_Lokalnie%20soobschestva.pdf), дата обращения 15.05.2022.
- Харви Д. (2008) Право на город // Logos. № 3. С. 80–91 // http://intelros.ru/pdf/logos_03_2008/04.pdf, дата обращения 15.05.2022.
- Borell K., Westermarck Å. (2018) Siting of Human Services Facilities and the Not in My Back Yard Phenomenon: A Critical Research Review // Community Development Journal, vol. 53, no 2, pp. 246–262. DOI: 10.1093/CDJ/BSW039
- Clark A. (2009) From Neighbourhood to Network: A Review of the Significance of Neighbourhood in Studies of Social Relations // Geography Compass, vol. 3, no 4, pp. 1559–1578. DOI: 10.1111/j.1749-8198.2009.00249.x
- DeSena J.N. (1994) Local Gatekeeping Practices and Residential Segregation // Sociological Inquiry, vol. 64, no 3, pp. 307–321. DOI: 10.1111/J.1475-682X.1994.TB00394.X
- Grattet R. (2009) The Urban Ecology of Bias Crime: A Study of Disorganized and Defended Neighborhoods // Social Problems, vol. 56, no 1, pp. 132–150. DOI: 10.1525/SP.2009.56.1.132
- Hirschman A.O. (1970) Exit, Voice, and Loyalty. Responses to Decline in Firms, Organizations, and States, London: Harvard University Press.
- Kadowaki J. (2019) The Contemporary Defended Neighborhood: Maintaining Stability and Diversity Through Processes of Community Defense // City & Community, vol. 18, no 4, pp. 1220–1239. DOI: 10.1111/cico.12471
- Lyons C. (2007) Community (Dis)Organization and Racially Motivated Crime // American Journal of Sociology, vol. 113, no 3, pp. 815–863. DOI: 10.1086/521846
- Lyons C. (2008) Defending Turf: Racial Demographics and Hate Crime against Blacks and Whites // Social Forces, vol. 87, no 1, pp. 357–385. DOI: 10.1353/sof.0.0071
- Morselli D., Passini S. (2018) Exclusive and Inclusive Protest in Europe: Investigating Values, Support for Democracy, and Life Conditions // Journal of Community & Applied Social Psychology, vol. 28, no 4, pp. 287–289. DOI: 10.1002/CASP.2345
- Sampson R.J. (2012) Great American City: Chicago and the Enduring Neighborhood Effect, Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Schwirian K.P. (1983) Models of Neighborhood Change // Annual Review of Sociology, vol. 9, pp. 83–102. DOI: 10.1146/ANNUREV.SO.09.080183.000503
- Suttles G. (1972) The Social Construction of Communities, Chicago: University of Chicago Press.
- Willmott P. (1986) Social Networks, Informal Care and Public Policy, London: Policy Studies Institute.

The Defendants. The Defensive Functions of Communities in Urban Conflict (Based on a Case Study in Novosibirsk)

I.A. SCALABAN*, Z.N. SERGEEVA**, Yu.S. LOBANOV***

***Irina A. Skalaban** – DSc in Sociology, Associate Professor, Department of Social Work and Social Anthropology, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation, skalaban@corp.nstu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8308-1947>

****Zoya N. Sergeeva** – PhD in Sociology, Associate Professor, Department of Sociology and Mass Communications, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation, z.sergeeva@corp.nstu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4296-2008>

*****Yuri S. Lobanov** – PhD in Philosophy, Head of the Media Center of the Information Policy Department, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation, lobanov@corp.nstu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1982-5558>

Citation: Scalaban I.A., Sergeeva Z.N., Lobanov Yu.S. (2022) The Defendants. The Defensive Functions of Communities in Urban Conflict (Based on a Case Study in Novosibirsk). *Mir Rossii*, vol. 31, no 4, pp. 33–56 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-4-33-56

Abstract

As the pace of development accelerates in large cities, the resistance of their inhabitants towards the changes that threaten their identity and quality of life grows stronger. Such resistance is realized in a broad spectrum of strategies: from passive (closing off territories and communities) to active (conflict). Aversion to change strengthens the defensive functions of communities and stimulates the emergence of defensiveness. This article develops a theoretical framework to study the nature of such communities as specific agents in urban conflicts, and to identify their types and markers. Study data comprise 101 cases of urban conflict in Novosibirsk during the last ten years, 40 interviews with participants and experts, and the results of content-analysis of local media resources.

The “defensive community” is defined as an active group of people that unite to defend the local social and physical spaces from changes that do not align with the community members’ image of the desired state or development. Their key trait is the prevalence of negative goals (avoiding undesirable future states) over positive goals (achieving desired future states).

The main triggers that boost the defensive functions of the community are developments in real estate and urban infrastructure.

The study reveals that the likelihood of defensive communities emerging is higher in socially or geographically isolated territories, in locations with stable inner-generational connections between the locals, with a relatively affluent and educated population, and with a solid image of “the good old days”.

Being “project” communities, defensive communities emerge to attain a certain goal and naturally dissolve once it is attained. However, the accumulated shared experience, the unity of the community’s core, and the personal characteristics of the leaders can help maintain the stability of such communities. A flexible structure with a core and a broad supporting group also allows them to react to new threats or participate in territorial development and become a source of civil and social competence.

Keywords: *city, conflict, defensive function of communities, defensive community, mobilization into conflict, change, urban community, local community*

References

Bauman Z. (2008) City of Fears, City of Hopes. *Logos*, no 3 (66), pp. 24–53. Available at: http://intelros.ru/pdf/logos_03_2008/02.pdf, accessed 15.05.2022 (in Russian).

This work was supported by the RFBR and the Government of the Novosibirsk Region, grant № 20-41-540003.

The article was published as part of the HSE University project “University Partnership”, to support publications by authors of Russian educational and scientific organizations.

The article was received in November 2021.

- Bederson V., Shevtsova I. (2021) Developers, the Party of Power and a Bit of Competition in Russia's Million-plus Cities: A Typology of Urban Regimes in the 2010s. *The Journal of Social Policy Studies*, vol. 19, no 2, pp. 285–300 (in Russian). DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-2-285-300
- Borell K., Westermark Å. (2018) Siting of Human Services Facilities and the Not in My Back Yard Phenomenon: A Critical Research Review. *Community Development Journal*, vol. 53, no 2, pp. 246–262. DOI: 10.1093/CDJ/BSW039
- Clark A. (2009) From Neighbourhood to Network: A Review of the Significance of Neighbourhood in Studies of Social Relations. *Geography Compass*, vol. 3, no 4, pp. 1559–1578. DOI: 10.1111/j.1749-8198.2009.00249.x
- DeSena J.N. (1994) Local Gatekeeping Practices and Residential Segregation. *Sociological Inquiry*, vol. 64, no 3, pp. 307–321. DOI: 10.1111/J.1475-682X.1994.TB00394.X
- Glukhova A.V., Kolba A.I., Sokolov A.V. (2021) Strategies of Urban Communities in Conflict Processes (A Case Study of Russia's Large Regional Centers). *The Journal of Social Policy Studies*, vol. 19, no 2, pp. 239–252 (in Russian). DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-2-239-252
- Grattet R. (2009) The Urban Ecology of Bias Crime: A Study of Disorganized and Defended Neighborhoods. *Social Problems*, vol. 56, no 1, pp. 132–150. DOI: 10.1525/SP.2009.56.1.132
- Harvey D. (2008) The Right to the City. *Logos*, no 3, pp. 80–91. Available at: http://intelros.ru/pdf/logos_03_2008/04.pdf, accessed 15.05.2022 (in Russian).
- Hirschman A.O. (1970) *Exit, Voice, and Loyalty. Responses to Decline in Firms, Organizations, and States*. London: Harvard University Press.
- Kadowaki J. (2019) The Contemporary Defended Neighborhood: Maintaining Stability and Diversity Through Processes of Community Defense. *City & Community*, vol. 18, no 4, pp. 1220–1239. DOI: 10.1111/cico.12471
- Kleman K. (2013a) Conclusion. *Urban Traffic in Russia in 2009–2012: On the Way to Politics* (ed. Kleman K.), Moscow: New literary review, pp. 502–540 (in Russian).
- Kleman K. (2013b) Khimki Movement. Behind the Forest – Civil Society. *Urban Traffic in Russia in 2009–2012: On the Way to Politics* (ed. Kleman K.), Moscow: New literary review, pp. 146–199 (in Russian).
- Kolba A.I., Kolba N.V. (2019) Urban Conflicts as a Factor of the Local Communities Civil-Political Activation. *Political Science*, no 2, pp. 160–179 (in Russian). DOI: 10.31249/poln/2019.02.08
- LedyaeV V.G. (2006) Theory of Urban Political Regimes. *Sociological Journal*, no 3/4, pp. 46–68. Available at: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/socjour/article/view/917/871>, accessed 15.05.2022 (in Russian).
- Lefebvre H. (2008) Other Parises. *Logos*, no 3, pp. 141–147. Available at: http://intelros.ru/pdf/logos_03_2008/08.pdf, accessed 15.05.2022 (in Russian).
- Lyons C. (2007) Community (Dis)Organization and Racially Motivated Crime. *American Journal of Sociology*, vol. 113, no 3, pp. 815–863. DOI: 10.1086/521846
- Lyons C. (2008) Defending Turf: Racial Demographics and Hate Crime against Blacks and Whites. *Social Forces*, vol. 87, no 1, pp. 357–385. DOI: 10.1353/sof.0.0071
- Lynch K. (1982) *The Image of the City*. Moscow: Stroyizdat (in Russian).
- Medvedev I.R. (2017) *Resolution of Urban Conflicts*. Moscow: Infotropik Media (in Russian).
- Mitchell K.R. (2002) The Structure of International Conflict. *Conflicts Resolution: Theory and Practice. Western Experience*. Vol. 1, Almaty: Center for Conflictology of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, pp. 101–165 (in Russian).
- Morselli D., Passini S. (2018) Exclusive and Inclusive Protest in Europe: Investigating Values, Support for Democracy, and Life Conditions. *Journal of Community & Applied Social Psychology*, vol. 28, no 4, pp. 287–289. DOI: 10.1002/CASP.2345
- Ovodova S.N., Zhigunov A.Yu. (2018) War of Communities: Representation of the Conflict in Urban Discourse. *Communication Studies*, no 4 (18), pp. 112–127 (in Russian). DOI: 10.25513/2413-6182.2018.4.112-127
- Sampson R.J. (2012) *Great American City: Chicago and the Enduring Neighborhood Effect*. Chicago, IL: University of Chicago Press.

- Schwirian K.P. (1983) Models of Neighborhood Change. *Annual Review of Sociology*, vol. 9, pp. 83–102. DOI: 10.1146/ANNUREV.SO.09.080183.000503
- Soja (Sodzha) E.W. (2003) Postmetropolis: Critical Studies of Cities and Regions. *Logos*, no 6 (40), pp. 133–150. Available at: <https://ruthenia.ru/logos/number/40/09.pdf>, accessed 15.05.2022 (in Russian).
- Suttles G. (1972) *The Social Construction of Communities*, Chicago: University of Chicago Press.
- Tykanova E., Khokhlova A. (2014) Trajectories of Self-organization of Local Communities in Situations of Contesting Urban Space. *Sociology of Power*, no 2, pp. 104–122. Available at: [https://socofpower.ranepa.ru/files/docs/2\(2014\)/Tykanova,%20Khokhlova_Lokalnie%20soobshchestva.pdf](https://socofpower.ranepa.ru/files/docs/2(2014)/Tykanova,%20Khokhlova_Lokalnie%20soobshchestva.pdf), accessed 15.05.2022 (in Russian).
- Willmott P. (1986) *Social Networks, Informal Care and Public Policy*, London: Policy Studies Institute.
- Zakirova M.M. (2008) “Here You Can See Everything!”: Self-presentation of the Urban Social Movement. *The Journal of Social Policy Studies*, vol. 6, no 2, pp. 217–240. Available at: <https://jsps.hse.ru/article/view/3632/3214>, accessed 15.05.2022 (in Russian).
- Zhel'nina A.A., Tykanova E.V. (2021) “Players” in “Arenas”: A Study of Interactions in Local Urban Conflicts (A Case Study of Saint Petersburg and Moscow). *The Journal of Social Policy Studies*, vol. 19, no 2, pp. 205–222 (in Russian). DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-2-205-222